

В. Н. Захаров

ДОСТОЕВСКИЙ И БАХТИН В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

В изучении Достоевского у Бахтина особая роль.

Вплоть до начала 60-х гг. XX в. Бахтин был одним из тех немногих исследователей, кто смог предложить оригинальную концепцию творчества Достоевского. Лишь переиздание его первой книги под новым названием «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) принесло Бахтину мировую известность, и ее выход изменил ситуацию в изучении русского гения.

У Бахтина две книги о Достоевском.

Первая книга «Проблемы творчества Достоевского» (1929) посвящена анализу художественного мышления писателя. Это философия творчества Достоевского, по Бахтину.

Второе издание книги «Проблемы поэтики Достоевского» значительно расширено. Там появилась большая глава о сюжетно-композиционных и жанровых особенностях романов Достоевского. Особое внимание в ней уделено проблеме карнавализации. Бахтин выделяет такой жанр, как мениппея. Название жанра образовано от имени античного сатирика Мениппа по аналогии с другим жанром — с эпопеей, высшей формой эпоса. Термин *мениппея*, по Бахтину, помогает раскрыть традицию, к которой принадлежит Достоевский в мировой литературе. Эти проблемы рассмотрены Бахтиным с точки зрения исторической поэтики.

Перед каждым, кто читает или изучает наследие критика и философа, неизбежно встает вопрос: насколько прав Бахтин?

Бахтин предложил концепцию полифонического романа. Полифония — музыковедческий термин, который переводится на русский язык как многоголосие. Большинство читателей понимают этот термин не в том смысле, как трактует его философ. Бахтин подчеркивал, что у него это слово не термин, а метафора. Метафора предполагает не прямой, а переносный смысл. В полифонии Достоевского, по Бахтину, исчезает иерархия отношений между автором и героями. Автор оказывается на одном уровне с героем. Они равноправны. Мало кто из исследователей Достоевского согласен с этим тезисом Бахтина.

Очень точно проблему обозначил Юрий Карякин, который афористично сказал: «Бахтин гениально услышал голоса героев, но не услышал главного голоса — голоса Достоевского»¹.

¹ Затрудняюсь дать ссылку на печатный источник, но в восьмидесятые годы прошлого века неоднократно слышал этот понравившийся мне тезис в докладах Ю. Ф. Карякина в Санкт-Петербургском (тогда еще Ленинградском) Литературно-мемориальном музее Достоевского.

Несмотря на эту критику, концепция Бахтина имеет под собой некие основания и оправдание.

Достоевский — особый автор.

Он — другой писатель.

Все писатели знают о своих героях всё. Достоевский отказался от этого принципа. Он сам не знает своих героев. Достоевский полагал, что автору необходимо не только угадывать, но и ошибаться. Это право на ошибку не нужно другим писателям. Почти каждый автор хочет быть непогрешимым в своих суждениях. Не так у Достоевского.

В своих романах Достоевский постоянно обыгрывает ситуации, в которых дурак может сказать умное слово. Это отличается от западноевропейской традиции, в которой мудрое знание писатели доверяют шутам. Например, Шекспир. У Достоевского нет глупых людей. Каждый способен сказать умное слово. Тот, кто думает, что другой глуп, всегда ошибается в своем предубеждении, сам оказывается в дураках. Федька Каторжный в «Бесах» говорит о Петре Степановиче Верховенском: «У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подлца он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и звания нет. А я может по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его»².

Все герои Достоевского (и умные, и глупые) — философы. У каждого из них есть свои оригинальные мысли. Ощущение такое, что так умно говорит не герой, а автор. Достоевский же подчеркивал, что он создает характеры героев. Даже по поводу близкого ему старца Зосимы он говорил: «Само собою что многие из поучений моего старца Зосимы (или лучше сказать способ их выражения) принадлежат лицу егѡ, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично *от себя* выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же *не мог* ни другим языком ни *в другом духе* выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица» (Д, 16₂; 135).

Мысль Бахтина о том, что нельзя отождествлять героя с автором, ранее неоднократно высказывал сам Достоевский.

В русской литературе 30–60-х годов XIX в. был популярен тип «маленького человека», и героев Достоевского часто называют «маленькими людьми». Это не так. У Достоевского нет маленьких людей. У него каждый человек велик. Даже Макар Деушкин, социально ничтожный герой первого романа Достоевского.

Создав образ этого героя, Достоевский открыл новую концепцию человека.

По поводу романа «Бедные люди» Бахтин выразился метафорично. По его мнению, Достоевский произвел «коперниковский переворот»³ в рус-

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 18-ти томах. М., 2004. Т. 9. С. 182. Далее тексты Достоевского цитируются по данному изданию с указанием литеры Д, тома и страницы.

³ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 58.

ской литературе. Это меткая метафора, но в ее толковании Бахтин ошибся. Критик решил, что новаторство Достоевского заключается в том, что он открыл самосознание героя — человека и чиновника. На деле же Достоевский открыл не просто человека в человеке, но *гения в самом последнем и «ничтожном» человеке*.

В художественном исполнении это та «фантастическая и донельзя дикая мысль», которую писатель высказал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «Ну что, подумал я, если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал сколько заключено в нем прямодушия, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого сообщительного и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая из вас умнее Вольтера, чувствительнее Руссо, несравненно обольстительнее Алкивиада, Дон-Жуана, Лукреций, Джульет и Беатричей! Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале. Да что Шекспир! тут явилось бы такое, что и не снилось нашим мудрецам. Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны!» (Д, 11; 284–285).

В начале романа Макар Девушкин «ниже» Вареньки Доброселовой: она культурнее, образованнее Макара, читает такие книги, о которых тот даже не подозревает. Именно она посылает ему «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинель» Гоголя, приобщает героя к подлинной, настоящей словесности.

В первых письмах Макар Девушкин страдает, что у него нет слога, что его мысль трудно высказывается в слове. Ему трудно описывать некоторые предметы, но с развитием переписки тон его писем меняется. Герой замечает, что у него слог становится. Он справляется с темами, которые не давались ему в начале переписки. Герой обретает дар слова, он получает власть над словом. Последнее написанное, но неотправленное письмо, письмо без обращения к Вареньке, без даты и без адреса, завершает сюжет романа: Достоевский показал превращение «маленького человека» в гения, превращение пишущего человека в писателя. Достоевский показал, как в словах героев происходит явление Слова.

Этим преображением Макара Девушкина начинающий писатель потряс искушенных читателей — русских критиков. Достоевского заслуженно объявили гением.

Впрочем, на гребне славы Достоевский продержался недолго. Через две недели после публикации «Бедных людей» в «Петербургском сборнике» в

«Отечественных записках» была напечатана фантастическая повесть «Двойник», и триумф автора обратился в скандал. Критики не поняли и не приняли «Двойника». Почти все критические интерпретации повести исходили и исходят из ошибочного объяснения фантастики психологией героя. В повести есть двойственность героя, его подполье, но в сюжете происходит не раздвоение, а удвоение героя: появляются два совершенно подобных Якова Петровича Голядкина: старший — изначальный, настоящий, младший — поддельный, первый — зауряден, второй — подл, один — наивен и простодушен, другой — обезличен, всего лишь функция среды, и т. д., и т. п.

Не смирившись с неудачей повести, Достоевский недоумевал, почему критики не заметили прекрасную, довольно светлую идею «Двойника». Читатели, или лучше сказать критики, не заметили пафос Достоевского. В фантастическом сюжете автор раскрыл не самосознание героя, а явление истины.

Эта истина проявляется в христианской антропологии писателя. В художественном постижении героя Достоевский находит и в этом человеке человека. В каждом запечатлен образ Божий. Не может один подменять или заменять другого, каждый человек — ценность. В том числе — смешной и незадачливый господин Голядкин.

У каждого исследователя есть свои ограничения. Ограничения Бахтина — его отрицания.

Бахтин превосходно проанализировал идеи героев Достоевского, но в своей концепции полифонического романа, отрицая автора, он отрицал и авторскую идею. Ссылаясь на работу Б. М. Энгельгардта, он утверждал: идея у Достоевского не принцип, а предмет изображения.⁴ Из этого следует, что Достоевский изображает чужие идеи. Конечно же, и это не так. У Достоевского были свои идеи. В творческих материалах, в письмах Достоевский постоянно стремился сформулировать идею, которую он хотел выразить в своем романе. Недооценка авторской идеи — существенный недостаток концепции Бахтина: он не увидел идей автора, но гениально проанализировал идеи героев.

Поэтика Достоевского задана противоречиями. Она контрапунктна. Достоевский дает читателю возможность осознать жизнь в многообразии впечатлений и ощущений. Этот опыт Достоевский назвал опытом *pro et contra*. Впрочем, Достоевский не только выявлял и обострял противоречия, но и решал проблемы. В романах Достоевского всегда есть «осанна», которая проходит через «горнило сомнений». Вопрос лишь в том, замечает ли осанну читатель.

Бахтин писал свои книги в определенной исторической ситуации. Он признавался С. Г. Бочарову, что написал «порочную» книгу о Достоевском, что ему приходилось «оговаривать» Церковь, что по необходимости он умолчал о главном у Достоевского.⁵

⁴ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. С. 32, 89–114.

⁵ Слова Бахтина в записи С. Г. Бочарова: «Всё, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все в той или иной степени

Действительно, о многих темах Бахтин не писал, но ученый слишком строго судил себя: он написал превосходную книгу о Достоевском. В самокритике Бахтин не прав, преувеличив недостатки своей книги.

Бахтин превосходно раскрыл роль повествователя у Достоевского, идеи героев Достоевского.

Уравнивая автора и героев, Бахтин на самом деле обнаружил не автора, а повествователя, раскрывая его роль. Повествователь — ключевая фигура в романах Достоевского, и именно повествователь, а не автор находится наравне с героем. Он живет во времени героев. Он не знает, что будет с его героями через несколько минут, но он знает, что произойдет, когда наступит *вдруг*. Каждый герой Достоевского способен к неожиданному поступку, неожиданному для самого себя.

Если бы Бахтин писал в своей книге не об авторе и герое, а о герое и повествователе, ученый был бы безусловно прав: равноправны именно они — повествователь и герой.

Точно так же самоограничение подвело Бахтина, когда он писал о времени и пространстве у Достоевского. Бахтин почему-то считал, что Достоевский «видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени»⁶. Даже когда Бахтин писал о хронотопе в 1930–1970-е гг., он выделял лишь пространственные образы времени Достоевского: площадь, порог, улица, дорога...

Смею уверить, у Достоевского есть классические хронотопы, и это в буквальном смысле время–пространство.

Хронотоп — новая категория поэтики, которую Бахтин ввел после выхода книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Бахтин увлекательно призвал исследователей рассматривать время и пространство в единстве. Но преподнес очередной парадокс: он не увидел это единство в поэтике Достоевского.

Я не знаю, чем это объяснить, но это факт.

У Достоевского почти каждый роман начинается с указания на точное историческое время, но художественное время нередко сгущается. Несколько недель романного времени втягивают в себя события русской жизни нескольких месяцев, лет. Даже при отнесении времени действия в «Братьях Карамазовых» на тринадцать лет назад, к середине 1860-х гг., герои Достоевского проживают современные события 1878, 1879, 1880 гг., когда роман публиковался в журнале «Русский Вестник».

порочно». И затем конкретно о «Проблемах поэтики...», в ответ на вопрос собеседника, что же «порочного» в книге о Достоевском: «...разве так бы я мог ее написать? Я ведь там оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах <...> о том, чем мучился Достоевский всю жизнь, — существованием Божиим. Мне ведь там приходилось все время вилять — туда и обратно. <...> Даже Церковь оговаривал...» (Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 475). См. далее комментарий С. Г. Бочарова, поясняющий, к какому месту «Проблем поэтики Достоевского» относятся последние слова (Там же. С. 475–476).

⁶ Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. С. 36.

Герои Достоевского живут не в том хронометрическом мире, к которому мы привыкли. В их ощущении не существенны месяцы, дни, минуты, часы. Они живут в другом мире.

В реальном историческом времени они проживают Рождество Христово и Пасху.

Не случайно, а намеренно автор показывает, как на каторге его товарищи, убийцы и разбойники, умиротворяются в Рождество Христово.

Не случайно в «Дневнике писателя» мужик Марей припоминается автору на каторге во время Пасхи.

Не случайно и то, что физическое и духовное исцеление Раскольникова происходит на каторге, «на *свободе*», на пасхальной Святой неделе.

Я не буду перечислять примеры, их много, на эту тему я написал цикл статей.⁷ Отмечу лишь, что герои Достоевского живут в мире, в котором сбывается Вечное Евангелие.

В качестве примера приведу роман «Бесы».

Как автор, Достоевский жил и творил в исторической современности. Он всегда стремился привязать вымысел к реальному времени и к реальному пространству, но этого исторического времени и пространства ему не хватало. Он сочинил художественное пространство «Бесов». Топография романного губернского города напоминает топографию Твери. Убийство Шатова, как и убийство реального студента Иванова, происходит в московском парке Петровской земледельческой академии. В свое последнее путешествие в заключительных главах романа Степан Трофимович Верховенский отправляется не в окрестности Твери или Москвы, а окрестности Старой Руссы, в которой во время завершения романа жил Достоевский. В свое путешествие герой отправляется не в Великий Новгород, как можно было бы ожидать, следуя этим маршрутом, а в некий городок, обозначенный в произведении вымышленным топонимом Спасов, образованным от Спаса, одного из наименований Христа, которым могли быть отмечены и храм в городке, и монастырь. Это тот городок, в который так и не дошел Степан Трофимович.

Начало романного действия — 14 сентября 1869 г., но во время написания и печатания романа (1870–1872 гг.) в Европе произошла франко-прусская война. Произведение начинается в довоенной Европе, а заканчивается после Парижской коммуны. В сюжете же романа это три недели 1869 г.

⁷ См. мои статьи: 1) Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты изучения Достоевского: Сб. статей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37–49; 2) Дебют гения // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. Т. 1. С. 609–637; 3) Воскрешение из мертвых. Политические ямбы. Провинциальная хроника. Пасхальный сюжет // Там же. Т. 3. С. 733–753, 764–755; 4) Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Там же. Т. 5. С. 695–712; 5) «Православное воззрение»: Идеи и идеал // Там же. Т. 7. С. 529–544; 6) Эмблема романа: Россия и Христос // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 18-ти томах. М., 2004. Т. 9. С. 544–555; 7) Творчество как осознание Слова // Там же. Т. 10. С. 438–444; 8) Осанна в горниле сомнений // Там же. Т. 14. С. 345–357.

14 сентября — особая дата. В церковном календаре это праздник Воздвижения Честного Креста Господня (праздник установлен в честь открытия в IV веке Креста, на котором был распят Христос). Конечно, не случайно, что главный герой романа носит фамилию Ставрогин (Ставрос в переводе с греческого — крест). Семантика фамилии указывает на то, что мог, но не свершил герой романа. Он не взял на себя крест страдания и искупления. Именно поэтому в романе он кончает жизнь самоубийством. Кроме того, эта дата имеет в жизни Достоевского личный смысл. Именно в этот день в 1869 г. родилась его дочь Люба.

В одном романном хронотопе у Достоевского сходятся историческое, мистическое и личное время.

Сейчас мы всё разделяем. Вспоминая событие, стараемся вспомнить его в датах текущего гражданского календаря, называя год, месяц, число. Во времена Достоевского люди мерили жизнь датами церковного календаря. Они жили в вечном календаре, ежегодно повторяющемся. Это другое восприятие истории и ощущение жизни. Они проживают жизнь как христианскую мистерию.

Бахтин, к сожалению, об этом не писал. Может быть, это и есть то главное, о чем он не писал, но о чем говорил своим конфидентам.

Бахтин, разумеется, писал о конкретных явлениях. В его книге есть превосходная глава «Слово у Достоевского». Он описывает слово Достоевского как слово противоречивое и становящееся. Оно диалогично. Это то слово, которое само себя изображает. Бахтин очень точно определил романы Достоевского как *слово о словах*, но он опять же не сказал главного: романы Достоевского не только *слово о словах*, но и *слово о Слове*.

В христианской традиции подобное откровение Слова задано Евангелием от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

Достоевский представил рождение Слова в речи героев, оно сбывается в сюжете сочинений автора. В повествовании не только рождается самосознание героя, но и происходит откровение Слова, в отношении к Слову першатся судьбы героев. Автор и творец Достоевский полагал человека «воплощенным СЛОВОМ».⁸

Сейчас исследователей Достоевского интересует прежде всего то «главное», о чем Бахтин умолчал. Именно поэтому и возникла постбахтинская ситуация в изучении Достоевского, которая наступила в 1980–1990 гг. в России и в мире.

Иногда Бахтина называют русским религиозным философом. Эти суждения во многом оправданы. В его философии проявился русский менталитет, проявились эстетические, этические и религиозные идеи,

⁸ Ср.: «Человек есть воплощенное СЛОВО. Он явился, чтобы сознать и сказать» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29444–29446. 1. Л. 2 об.). Ключевое понятие в данном тексте выделено не заглавной буквой, как это напечатано в ПСС (15, 205), а неким не совсем явным подобием каллиграфического начертания.

которые характерны для русского народа, русской философии и словесности. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, Бахтин ничего не писал о православии, с другой стороны, выразил религиозные идеи русской литературы. Он воспринял многие идеи и открытия Достоевского, и в первую очередь антропологические идеи русского гения. Антропология Бахтина, как и антропология Достоевского, — христианская антропология, и в окончательном прояснении — православная. Она может проявиться опосредованно — и в том случае, если автор не прокламирует свою религиозность.

Достоевский существенно влиял на Бахтина. Многие идеи, которые принимают за идеи Бахтина, на самом деле высказаны Достоевским. У Бахтина читателей привлекают идеи и концепции, многие из которых почерпнуты из Достоевского.

Самое ценное у Бахтина не выводы, а сам процесс творческого мышления. Его основа — диалог. У Бахтина тема почти всегда становится проблемой. Читателя привлекают идеи, концепции и метод Бахтина, который дал новую актуализацию афинской школы в философии (Сократ, Платон, Аристотель).

Бахтина нужно читать и изучать, чтобы глубже понимать Достоевского, но Достоевский дает для понимания Бахтина больше, чем Бахтин — для Достоевского. Чтобы понимать Бахтина, нужно читать Достоевского.

!